

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Дневник Мата Хари (Глава 3)

Глава 3. МОНАСТЫРЬ Неделю спустя — почти все это время я провела в постели с высокой температурой — я оказалась в монастыре. Все, что произошло со мной в доме дяди-извращенца, осталось в моей памяти как дурной сон. Новая обстановка заставила меня очень скоро забыть это кошмарное событие. Мои родители старались никогда не вспоминать о дяде Герарде. Спустя год я узнала, что мой мучитель умер, а Вилем переехал в другой город и поступил в университет.

Итак, я жила теперь на попечении внимательных и добрых монахинь. Это был обычный женский монастырь. Мы жили в общежитии и заводили массу интересных знакомств. Со мной подружилась высокая и стройная девочка, которую можно было сравнить лишь со знаменитой натурщицей Рубенса Элен Фурмент. Ее звали Генриеттой.

Ее красивый рот был такой соблазнительный, такой свежий, а губы такими красными, что было трудно удержаться от соблазна куснуть их, как зрелую клубнику. Очень скоро меня начал преследовать образ этих цветущих губ. Мне хотелось впитаться в них и целовать, целовать...

Генриетта была моей соседкой по комнате в общежитии, и вскоре мы без всякого стеснения стали наносить взаимные визиты в кровать. Это было принято среди учениц. Когда в девять часов дежурная монахиня уходила к себе подремать, повсюду слышались страстный шепот и шуршание ночных рубашек.

Девочки разделялись на пары, и невесты шмыгали под одеяла своих партнерш, которые брали на себя роль мужа.

Когда я впервые попала в кровать Генриетты, она нежно обняла меня и спросила, знаю ли я, как делают любовь. Я гордо рассказала ей о всех моих приключениях.

Когда я поведала ей, что мне довелось пережить в доме дяди, Генриетта была глубоко тронута. Она прижала меня к груди и поцеловала в губы. Этот поцелуй был неопишимо сладок, и я никогда его не забуду. Так мы стали постоянной любовной парой. Мы едва могли дождаться отбоя, чтобы поскорее встретиться в кровати.

Она сразу брала меня в свои объятия и начинала страстно целовать. Наши тела плотно прижимались друг к другу. Генриетта была намного опытнее, и она доказывала это каждым своим прикосновением. Прошли долгие-долгие годы, пока я наконец не нашла единственного мужчину, который смог, хотя и отдаленно, дать мне то, что Генриетта давала без особых усилий. Это были бесконечно сладкие часы...

Запомнились ее нежные руки, неутомимые губы, но больше всего — язык. Генриетта целовала мою шею, грудь, живот, наконец, уткнувшись головой между моих ног, она пускала в ход язык. О, какое это было блаженство! Ее язык проникал в меня так глубоко, так сладко...

Я лежала, вне себя от восторга, и едва способна была сдерживать страстные стоны. Я платила ей тем же, и хотя поначалу не очень верила в свои способности, но вскоре убедилась, что могу быть таким же искусным любовником, как и она.

Генриетта была девственница, как и я, но мы обе делали все, чтобы изменить свой статус без помощи мужчин. Наконец мы решили, что созрели для встреч с мужчинами. У Генриетты был кое-какой опыт: ее раза два или три пытались изнасиловать подростки-сверстники, но делали это неумело...

По ночам мы рассказывали друг другу свои любовные истории, давая волю безудержной фантазии.

— Слушай, Гретти, — так обычно начинала Генриетта. Дальше следовал не очень скромный рассказ о ее голо-вокружительных приключениях с красавцем офицером или молодым священником. Моя подруга была очень религиозна и серьезно считала, что интимные связи ей священником не могут быть грехом.

— Я была в школе, и мы много нового узнали. Жаль, что ты не была на этих занятиях. Для непосвященных эти слова почти ничего не значили, но мы использовали их как пароль. Эта фраза была приглашением к разговору на любимую тему.

Как рассказчица я не шла ни в какое сравнение с Генриеттой. Она была неутомимой выдумщицей. Школа, о которой она так увлеченно говорила, существовала только в ее воображении, но сколько необычных школьных историй придумала Генриетта!

— Учитель, ну, этот Дюбуа, был снова ужасно любезен, — начинала она, распаясь от игры фантазии. — Ты знаешь, какой он красивый, какой сильный мужчина? Хотя он смотрит свысока на нас, девочек, само его присутствие всех приводит в трепет. А сегодня была моя очередь в классе. Я должна была сесть к нему на колени, прямо на стержень... О, Гретти, это был верх блаженства. Ты, наверное, хочешь знать все подробности?

И в который уже раз я выслушивала ее рассказ об уроках эротики. Эти занятия проводились по вторникам и четвергам в классе с кроватями. Этот секретный класс был задрапирован черным бархатом, слабо освещен, кроме трибуны, которая была ярко освещена прожектором. Все кровати для девочек стояли в огороженных будках, видимых только с трибуны. У учителя был помощник с внешностью Геркулеса, который обладал никогда не иссякающей сексуальной силой. Во всяком случае, так все описывало богатое воображение Генриетты. — Когда нас укладывали на кровати — восемнадцать — двадцать учениц, все красивые и страстные, ведь только такие могут усвоить курс, — на трибуне появляется учитель. Он садится на кушетку, смотрит, все ли кровати заняты, и потом делает переключку. Конечно, все имеют условные имена, потому что среди нас есть молодые жены, невесты, возможно, даже шпионы, и мы не хотим, чтобы нас обнаружили ревнивые мужья и дурошлепы-женихи. Потом учитель дает первые указания. Это примерно, как на уроках физкультуры. На днях он сказал этой высокой и пышнотелой Долорес: «Мадам, никто не заставляет вас осваивать курс, но тогда я предпочел бы, чтобы вы не участвовали в использовании этого очень важного образовательного инструмента, — и он показал на свой прелестный стебель, который он таскает перед собой все время, как жезл, — другие ученицы тоже очень хотят его, и эти девушки знают, как проявлять свою признательность».

Ты должна понять, что это ужасная угроза! Мы все сходим с ума по этому фантастическому органу, и поверь мне: большинство из нас ходят в эту страшно дорогую школу просто из-за этой невероятной штуки.

Когда мы ложимся на свои кровати, — а на нас только шелковые трусы с кружевами и длинные шелковые чулки с очень кокетливым поясом (учитель очень щепетилен в таких делах), он дает первую команду: «Пожалуйста, раздвиньте ваши бедра, дамы!» И потом: «Теперь работайте над собой, используя указательный палец правой руки. Возбуждайте себя. Но очень медленно. Я покажу правильный темп: раз-два, раз-два». Затем он увеличивает темп, ты не можешь представить, как это нервирует: лежать с раздвинутыми ногами, как будто ждешь, что на тебя вот-вот накинется мужчина, а никто и ничто не утоляет твой голод,

кроме твоего собственного указательного пальца. И все это время этот красивый, толстый, тяжелый стебель нашего учителя стоит во весь рост и не двигается — это ужасно!

Вздохи и причитания Генриетты тронули бы любое сердце. Моя рука уже давно повиновалась нежному движению ее тела и пыталась поддержать иллюзию, хотя, конечно, я не могла заменить Дюбуа.

— Через некоторое время, — продолжала Генриетта, — помощник учителя тщательно осматривает девушек. Он наклоняется над каждой из нас и проверяет, хорошо ли мы подготовились к акту.

— Поверь, дорогая, что умение возбудить себя и своего избранника — это целая наука. После того, как мы освоили начальный курс, учитель вызывает одну из учениц на трибуну и демонстрирует на ее теле все зоны, особенно привлекательные для мужчин. Он показывает места, которые их возбуждают и делают сильными. При этом не забывает сказать, что эти знания полезны нам самим, потому что мы сможем получить настоящее наслаждение.

О, ты не можешь себе вообразить, как это возбуждает, когда смотришь, как мужчина расстегивает брюки и приближается к девушке, на которой нет ничего, кроме шелковых чулок. На днях он уложил ее на спину и приказал поднять ноги, раздвинуть и держать их как можно шире. Потом Он лег на нее и стал ритмично двигаться... Мы одурели от страсти. Но это была всего лишь имитация. Он показывал нам, как начинается акт. Потом девушка, которая была вне себя от страстного желания, должна была повернуться и встать на четвереньки. И он снова налег на нее. Будь я на ее месте, я умоляла бы его сделать все по-настоящему, до конца. Пусть бы он пронзил меня насквозь!... Он гладил ее грудь, нежно вытягивал соски, наконец, разрешил ей потереться грудью о его мощный отросток...

Не удивительно, что мы все стонали, а кровати скрипели от подпрыгивающих тел, полных сумасшедшего желания. Как раз в тот момент, когда наше возбуждение достигло предела, помощник учителя подошел ко мне. Его отросток был тоже обнажен, я видела его толщину и угадывала твердость. Мое тело дергалось в конвульсиях, как будто со мной был эпилептический припадок. Я стонала и хныкала:

— Хочу, хочу этого сейчас! Пожалуйста, позвольте мне притронуться к вашему инструменту, я хочу взять его в рот, нет, пусть он войдет в меня, я не могу больше выдержать!... Я хочу!... Слышите меня? Сделайте это... Быстрее!

Я потеряла рассудок и завизжала, как одержимая. Я билась в судорогах, я больше не понимала, что делаю. Я выла и визжала так громко, что другие девушки также стали кричать. Им тоже хотелось!..

Но прежде чем разразился бунт, учитель стал что-то шептать своему помощнику, тот выслушал его и набросился на меня, запрокинув мои ноги.

— Ты что, маленькая сучка, не можешь подождать, чего ты так шумишь?

Он прошипел эти слова и тут же вонзился в меня.

О, Гретти, какое это наслаждение! Неописуемое, божественное, уверяю тебя. Он был безжалостен, его удары были убийственными. Но это то, чего я хотела! Представь, милая, этот мужчина работал за троих. Я трижды была на вершине блаженства! Он пригвоздил меня к кровати, как будто я подошва, которую сапожник прибивает гвоздями, — и я купалась в страсти. О, как это прелестно, когда тебя пригвоздят! Чего стоят все эти поэты с их лирической болтовней — от нее тошнит, и только...

Слушая рассказ Генриетты, я так возбудилась, что бы-ла, как в бреду. Но подруга еще не кончила свой рассказ, а ночь только начиналась.

— Ты знаешь, после этой маленькой интерлюдии —

Генриетта называла это «маленькой интерлюдией» — на-ши уроки продолжались, как будто ничего не произошло. Учитель пригласил на трибуну другую ученицу. В иноер время я бы очень завидовала ей — ведь выбрали не меня.

Но теперь я не ревновала. Мой лотерейный билет принес мне самый большой выигрыш!... Маленькая девочка, стоявшая рядом с нашим любимым учителем, была прелестным, крошечным, белокурым со-зданием.

— Дамы, — обратился к нам учитель, — мы с мисс Притти проведем новый эксперимент. Она попытается воз-действовать на мой инструмент языком. Это совершенно необходимая процедура, и поэтому не вздумайте ухмы-ляться и хихикать. Смотрите внимательно! Каждая из вас должна усвоить этот урок.

— О, Гретти, скажу тебе, учитель — очень благород-ный человек, и школа знаменита по всему миру своим превосходным этикетом. Итак, эта новенькая начала. Она надула губки, что было очень трогательно, и приблизила свой детский ротик к инструменту.

— Нет, мисс Притти, не так. Вы не должны целовать его. Надо открыть пошире рот и попеременно то заглаты-вать его, то выталкивать, — сказал учитель. — Правильно, так, так, это уже лучше, хорошо, продолжайте, очень хо-рошо, теперь побыстрее. Хватит, достаточно. Хотел бы пожелать вашим одноклассницам таких же успехов.

Я пожирала глазами эту сцену.

Представляешь, хрупкая девочка и этот громадный, как ствол, отросток!... Она открыла свой ротик, и предмет на-ших вожделений бесследно исчез, словно его и не было. Меня одно лишь волновало: неужели делать это так же приятно, как и отдаваться во власть мужской страсти?

Я была более чем возбуждена. Да и Генриетту ее фан-тазия довела до экстаза. Она залезла на меня и стала су-дорожно двигаться, подражая мужчине. При этом мы целовали друг друга, щипали, гладили...

Мы проводили своего рода аукционы особенно похот-ливых и гадких слов, и когда кто-либо из девочек прино-сил какое-нибудь из таких слов в тщательно охраняемое общежитие монастыря, ей было обеспечено наше восхи-щение. Не следует забывать, что такое слово представля-лось нам чем-то ужасно грешным, как и чтение запре-щенного романа, поцелуи и обмен записками. С другой стороны, мы не считали эти слова непристойными и гряз-ными, потому что не осознавали их смысл. Мы произно-сили их с тайным ужасом и испытывали приятное волне-ние...

Я часто хотела, чтобы моя подруга из города, эта бело-курая девочка из Дельфта, была со мной в монастыре. Я мечтала об очаровательной девичьей триаде, и так как в нашем заведении не было мужчин, не считая статуй свя-тых, я была абсолютно убеждена, что такой союз дал бы нам намного больше удовлетворения, чем союз двух де-вочек.

Эта идея так взволновала меня, что скоро стала каким-то наваждением. Я обдумывала ее и ночью. Я жалела, что ничего не знала об игре, которой меня научила Генриет-та, в те дни, когда я играла в родительском доме с малень-кой красивой Мари. Мне часто удавалось обсуждать с ней сексуальные вопросы, но всегда было трудно заставить ее высказаться по ним, и я вынуждена была прибегать к раз-ным обещаниям. Можно сказать, что я соблазняла Мари. Кроме того, я всегда боялась, что она меня выдаст. Я да-же планировала отдать ее

душой и телом Вилему. Я прочитала это выражение в каком-то старом романе. Мне казалось более уместным отдать эту маленькую девочку, которая была лишь на два года моложе меня, явно жаждущему Вилему, чем отдаться ему самой.

Я думаю об этих ранних желаниях и могу сделать вывод, что в отношении сексуальных контактов со своим собственным телом я была сравнительно отсталой. Я пыталась убедить Мари погулять с Вилемом и попробовать поиграть с ним в новую интересную игру. Я сказала ей, что все это очень просто: игра сводится к тому, что Вилем всунет свою штуку между ее ног, а она попытается удерживать ее. Если ему удастся вытащить ее, прежде чем она сосчитает до десяти, он выиграет. Щеки Мари покраснели, и она робко спросила, а не накажут ли ее мама и папа, если увидят эту игру. Я заверила ее, что эта игра совершенно безопасна, но что она должна помалкивать, иначе накажут Вилема. Я очень возбудилась, когда задрала ее платье и показала точное место, какое позволит ей выиграть.

— Конечно, ты должна будешь снять трусы, — учила ее я, — потому что так интереснее. И когда ты его схватишь вот этим местом у этой маленькой щели, ты почувствуешь очень приятное щекотание. Кстати, Мари, ты играешь с собой между ног?

Моя подруга еще больше смутилась и прошептала:

— Да, несколько раз я гладила себя вот по этим мягким штукам... Но, пожалуйста, скажи мне, Маргарета, ведь это великий грех? Я так боюсь, что произойдет что-то ужасное.

Я вспоминала об этом эпизоде и в то же время возилась между ног Генриетты, поглаживая ее холмик. Было бы чудесно, думала я, если бы Мари спала между нами и была нашей нежной маленькой куклой, с которой мы бы играли до умопомрачения. Я пыталась представить, как я буду забавляться ее мягкими маленькими грудками, а Генриетта займется ее другими прелестями. И как было бы здорово, если бы маленькая Мари, которой я приписывала такой же страстный темперамент, как у Генриетты, стонала от страсти в наших руках...

Да, она даст нам мальчишеские имена, например, Давид и Генри, мы притворимся ее любовниками и даже будем ревновать ее. Мы будем вытягивать жребий, кто получит право целовать Мари внизу, потому что в то время казалось, что это вызывает самые страстные ощущения.

Взаимное одновременное лизание еще не было нам известно, хотя сейчас такие ласки для меня вполне обычные. Но в то время получить поцелуй «там» считалось особой милостью, и Генриетта баловала меня этим намного чаще, чем я ее.

В нашей связи она была тем, кем я хотела быть по отношению к Мари... Она заменяла мужчину. Примечания к главам 1, 2 и 3 и воспоминаниях о своей юности, которые по какой-то причине внезапно обрываются. Мата Хари ограничивается в основном эротическими эпизодами, как это предписал, ей ее муж. Поэтому она, очевидно, умалчивает о некоторых важных фактах ее биографии.

Например, у нее были три брата, ее родители в 1890 г. развелись, в 1891 г. умерла ее мать. Её отец никогда не был бургомистром, как она утверждает.

После окончания школы-интерната при католическом монастыре она познакомилась и вскоре обручилась в Гааге с армейским капитаном Рудольфом Маклеодом. Они поженились в июле 1895 года. Ей было тогда около 19 лет, ему — 39.

Последующие главы дневника Маргарета написала в первые годы своей триумфальной карьеры в Париже, где она дебютировала как исполнительница эротических точных танцев.

По-видимому, с этим амплуа связан и сценический псевдоним Мата Хари, что в переводе с малайского языка означает «свет зари».